

БОЕВАЯ ХРОНИКА

РОМАНЫ О ПАМЯТНЫХ БОЯХ

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ

ЗИМНЯЯ ВОЙНА
ДОРОГИ ЧУЖОГО СЕВЕРА

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Зимняя война. Дороги чужого севера / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-111936-2

Зима 1939/40 г. На Карельском перешейке идут тяжелые бои. Красная Армия пытается выбить белофиннов с неприступной «линии Маннергейма», но каждый раз вынуждена отступать под мощным огнем противника. На одном из участков советское командование решает бросить в бой штурмовую группу старшего лейтенанта Никиты Мечникова. Разведчикам удается захватить вражеский опорный пункт. Но финны быстро приходят в себя и окружают наших бойцов. Мечников понимает: удержать захваченный форпост — значит обеспечить успех всей операции. Но слишком уж неравными кажутся силы...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-111936-2

© Тамоников А.А., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ГЛАВА 1

16 декабря 1939 г.

Ситуация стала меняться, когда разведчики окончательно продрогли, потеряли надежду и свирепые карельские морозы обложили вдоль и поперек. Ночь была в разгаре, в разрывах туч поблескивали звезды — чужие и далекие. Пулеметная ячейка, вынесенная за пределы траншеи, была необитаемой. В двух шагах от нее взорвался советский снаряд, схлынула осыпь, встали на дыбы бревна наката, и финны с тех пор предпочитали держаться отсюда подальше. Ячеек хватало — и слева, и справа. Над бруствером мелькали обтянутые белой материей каски, доносились обрывки чужой речи. Под высотой, на всем протяжении покатога склона, высились в шахматном порядке гранитные противотанковые надолбы. За ними — три ряда колючей проволоки, завихрения спирали Бруно. До дальнего леса, занятого советскими войсками, было километра полтора.

Командир взвода полковой разведки, старший лейтенант Никита Мечников, приподнял голову. «Восставшие» бревна громоздились как попало — под их прикрытием разведчики сюда и проникли. Лучше не помнить, сколько сил и нервов пришлось потратить, чтобы проползти изрытое воронками пространство. Никита забрал прислоненный к стене окопа пистолет-пулемет «Суоми», прошел вперед на корточках и снова поднял голову. Екнуло сердце — он резко подался вниз, прижался к стылому откосу. По главной траншее прошли солдаты в белых куртках и штанах. Военные переговаривались, забавно тянули гласные. Никита не дышал. Сделай эти парни остановку да взглядишь в темноту — могли бы заметить постороннее пятно. Но все обошлось, патруль проследовал мимо. Мечников облегченно выдохнул — не пришел еще его час. Он снова привстал, обозрел местность. Ходы сообщений отделялись от главной траншеи и уходили в неизвестность. На флангах выделялись долговременные огневые точки — приземистые сооружения. В глубине еще один объект — что-то расплывчатое, угловатое, со щелевидными амбразурами. За объектом окоп, из которого торчали стволы минометов. Оборона на этом участке не была эшелонированной — практически все огневые средства концентрировались на переднем крае. В стороне чернел

подозрительный лесок, а за лесистыми холмами на северо-западе — городок Путоярве, который полк товарища Уматова должен был занять еще позавчера...

Мечников перебрался к главной траншее. Снова замер, прислушался. Голоса в морозном воздухе преобразались в прерывистый гул. Они рождались будто отовсюду. Бряцал металл, что-то скрипело. Находиться в неподвижном состоянии было неудобно. На качество одежды в отличие от большинства красноармейцев разведчики не жаловались. Под маскхалатом теплое нательное белье, суконное обмундирование, ватник без воротника, да еще утепленные башлыки, меховые перчатки, валенки — простым красноармейцам, лежащим сутками в снегу, такое счастье было недоступно. И все равно конечности уже подмерзали. Никита подался назад, прошептал:

— Данилов, Карабаш, за мной... Иванченко, остаешься здесь, наблюдай за обстановкой. Станет все плохо, отвлекай на себя.

Мечников выбрался в главную траншею, пробежал, пригнувшись, влево, втиснулся в боковое ответвление. Это был обычный ход — узкая траншея без наката, блиндажей, вынесенных гнезд, — и оставалось лишь гадать, куда она ведет. Финны падки на сюрпризы. С какими только неожиданностями не приходилось

сталкиваться советским солдатам в незнакомой местности...

Перебежали остальные, сели рядом. Разведчики дрожали от холода, поблескивали глаза. Трофейные автоматы «Суоми» сковывали движения. Оружие было так себе, кучность низкая, стволы чересчур длинные — однако барабанный магазин на семьдесят патронов внушал уверенность. Отпадала нужда считать истраченные патроны. На своих парней Никита мог положиться в любой ситуации. За спиной Семена Карабаша — бои на Халхин-Голе, грамотные действия в составе батальонной разведки. Невозмутимый, приученный терпеть неудобства, он никогда не жаловался, действовал быстро и решительно. Красноармеец Леха Данилов был молод — восемнадцать «мальчишеских лет», при этом обладал всеми нужными качествами: был отчаян, но не до бесшабашности, резок, но без лишних движений, физически развит, вынослив и с головой на плечах умел ладить. Вот и сейчас они не лезли с подсказками и предложениями, ждали, что решит командир.

— Полное внимание, товарищи разведчики, — прошептал Мечников. — На переднем крае нам искать нечего, будем углубляться. Запоминаем ориентиры для обратной дороги.

Одолели метров тридцать, снова присели. Шум глушили порывы ветра, временами сы-

пал снег. Погода в декабре на Карельском перешейке была в принципе сносная. Ниже десяти по Цельсию температура не опускалась, по ночам — холоднее, но не критично, при наличии защиты от ветра — терпеть можно. Сильные морозы ожидалось после Нового года — в эти периоды так называемых «крещенских» морозов столбик термометра мог рухнуть и до сорока. Три головы воспарили над гребнем траншеи, и белые капюшоны в темноте тут же слились с местностью. Неказистое бетонное сооружение оказалось совсем рядом — вернее, боковая сторона. В углублении просматривалась дверь. Мелькнула шальная мысль: закидать гранатами, но это вариант самоубийственный, не за тем сюда пришли. Солдаты сидели кучками в пулеметных и стрелковых ячейках, наблюдали за тем, как в амбразурах бетонного сооружения поигрывали блики света.

— А месяц-то — не май, товарищ старший лейтенант, — напомнил Данилов, теряя терпение.

— Ну да, зима не бабья, — с усмешкой согласился Карабаш. — Но это ерунда, то ли еще будет, Леха.

— Это испытание, товарищи бойцы, — заметил командир. — Мы все одолеем и станем сильнее.

— Еще сильнее? — удивился Данилов. — Да куда уж сильнее...

— Странно, куда все финны пропали? — размышлял Карабаш. — Сидят кучками у своих амбразур, а здесь — шаром покати. Новый год заранее отмечают? Это правильно, в срок-то не удастся, перемелем мы их в мелкую пудру... Послушайте, товарищ старший лейтенант, а что это за штука бетонная? На дот не похоже — огневые точки на переднем крае, отсюда половину поля не видно...

— Видимо, офицерский бункер, — отозвался Никита.

— А такой бывает? — удивился Данилов. — Пулеметный — знаю, артиллерийский тоже знаю... — Он осекся, и все снова замолчали.

Мечников вглядывался в очертания объекта. Сооружение небольшое, часть заглублена в землю, но, кажется, незначительно. Объектов с серьезной инфраструктурой на этом участке быть не может. Скорее всего это небольшой командный пункт или узел связи. Или что там еще?

— Так, тихо...

В сооружении обрисовалась нора дверного проема, возникли два силуэта. И эти были в зимнем камуфляже, капюшоны болтались за спинами, чернели стальные шлемы на головах. Мужчины закурили, непринужденно переговаривались. Но погода не способствовала долго-

му нахождению на открытом воздухе. Налетел порывистый ветер, и один из них, бросив окурок, развернулся, исчез в бункере, а другой, отправившись в противоположную сторону, углубился в траншею по грудь, словно по воде брел. Траншея спускалась к кубической постройке, вынесенной за пределы участка обороны. В назначении этого «кубика» вряд ли стоило сомневаться.

— Товарищ старший лейтенант, в уборную пошел... — возбужденно зашептал Карабаш. — Это офицер, я вам точно говорю, видите, у них отдельное отхожее место...

Мечников напрягся. Похоже, Карабаш был прав. Субъект ускорялся, подпрыгивал — приспичило человеку. Отворилась и захлопнулась дверь. Офицер или нет — это неважно, пусть даже младший командир, главное — они обязаны знать количество войск и схему их дислокации. Никита бросил подчиненным, чтобы держались от него подальше, а сам начал движение. Два изгиба траншеи, спуск...

Теперь и он переминался, подпрыгивал у отхожего места, усердно изображая нетерпение. Заскрипела дверь, появился приземистый мужчина, посторонился, искоса глянув на мельтешащее перед глазами пятно. Мечников подался к открытой двери, потом неожиданно резко повернулся и, стиснув финну горло предпле-

чем, ударом валенка выбил почву из-под его ног. Противник потерял опору, но все же ухитрился выкрутиться и издал какой-то звук. Кричать он, к счастью, не мог — горло завязалось узлом. Подбежали Карабаш с Даниловым, но не стали вмешиваться. Остановились в стороне, подстраховывая командира. Мечников оседлал добычу, нанес удар в челюсть, отправляя финна в прострацию, и, переводя дыхание, поднял голову.

— Неплохо вы его утомонили, товарищ старший лейтенант... — прошептал Данилов, пристраиваясь рядом. — Слушайте, а мне показалось, что он смеялся — ну, когда вы его в первый раз за горло схватили. Почудилось, наверное.

— Вроде засмеялся, — подтвердил Никита. — Решил, наверное, что розыгрыш, свои пугают. Потом, конечно, стало не до смеха...

Захваченный субъект продолжал лежать, не подавая признаков жизни. Мечников расстегнул на пленнике верхнюю пуговицу маскировочной куртки, раздвинул отвороты. В петлице блеснули три геральдические розочки, эмблема на погоне.

— Это капитан, удачно мы его... Вытаскиваем бережно, обращаемся, как с мамой родной, все уяснили? Запомните, все, что было до текущего момента, — безмятежная прогулка, а теперь начинается самое сложное. Приказываю

доставить этого тюленя в целости и сохранности...

Офицера финской армии потащили за воротник, сгибаясь в три погибели. Он пришел в себя, что-то проямлил, потом стал кашлять. Мечников кинулся к нему, закрыл рот ладонью. Кляп придумали быстро — оторвали капюшон, скомкали, утрамбовали в глотку. Карабаш даже шутку отпустил: скажите «а-а», больной. Пленного потащили дальше, вписываясь в изгибы траншеи. Как вовремя! По канаве, ведущей к отхожему месту, кто-то топал, беззаботно насвистывая. Бойцов даже злость охватила: так уверены в своей неуязвимости? А над душой, между прочим, целый полк завис! Траншея была уже почти рядом, до нее оставалось метров восемь, но Мечников вдруг вскинул руку: застыли! Поздно! В проходе возник финский военнослужащий с автоматом на плече. Он что-то услышал, повертел головой, потом повернулся к боковой траншее, подался вперед — не поймешь в этой темени... Никита схватил его за ворот, поволок в боковой отросток, другой рукой выдернул нож из чехла. Солдат обмер от внезапного страха, что-то прохрипел, а в следующий миг Мечников уже вонзил лезвие ему в живот. Острая сталь пронзила плоть, порвала внутренности. Он нанес не меньше пяти ударов, потом оттащил обмякшее тело от главной

траншеи и бросил на землю. Солдат вздрагивал, растопырив свои высокие сапоги с задранными носками — пьексы. Как просто у этой публики, подумал Никита, на войну идут со своим добром — обувью, варежками, шерстяными носками, теплыми свитерами и кофтами — и плевать хотели на холодную зиму...

Товарищи за спиной озадаченно помалкивали. Мечников осторожно поднял голову. Вояка был один — значит, пронесло. Но скоро другие наткнутся на труп или хватятся пропавшего офицера... Он махнул рукой — ходу, служивые, выскользнув в проход, припустил влево. Отросток пулеметного гнезда — в трех шагах. Он ворвался туда. Уже собрался выдохнуть с облегчением, но не тут-то было — споткнулся о скрюченное тело в маскировочном халате, отпрыгнул, наступил на другое! Кто их тут разбросал?..

— Товарищ старший лейтенант, не обращайтесь внимания... — раздался тихий голос рядового Иванченко. — А что оставалось, товарищ старший лейтенант? — с какой-то обидой тянул боец. — Я сидел, ждал вас, вдруг эти двое полезли к брустверу. Меня не сразу заметили, ну а когда это случилось... В общем, одного прикладом, второго ножом, потом опять первого прикладом... О, а вы с уловом, товарищ старший лейтенант! — воскликнул он, и даже в темноте

было видно, как его рот растянулся в улыбке. — Офицера взяли? Так валим отсюда скорее!..

— Толик, ну ты и наделал... — прошипел Данилов. — После тебя ни пройти ни проехать... Товарищ старший лейтенант, может, еще повоюем? Мне что-то подсказывает, что их тут с гулькин нос осталось. До утра, глядишь, управимся...

— А ну заткнулись, шутники... — цыкнул на них Мечников. — Живо за бруствер ныряйте, только головы не поднимать. Через минуту такое начнется...

Иванченко первым перекатился за косогор. Мечников — за ним, обваливая мерзлую глину под животом. На бруствере буйствовал промозглый ветер, забирался за воротник. Вокруг валялись бревна, но пока они служили защитой. Никита схватил пленника за шиворот, разведчики совместными усилиями подали его наверх, и он поволок на себе упитанную тушу. Тот пришел в себя, что-то возмущенно мычал и озирался блуждающими глазами. Вернулся Иванченко — плотно сложенный курносый крепыш, помог справиться с тяжким грузом. Пленного стащили вниз, он продолжал мычанием выражать протест — пришлось двинуть по затылку, чтобы заткнуться.

— Вы бы нежнее, товарищ старший лейтенант, — забеспокоился Иванченко, — а то вы-